

Пушкина писать Вяземскому: «...я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой» (XIII, 279).

Разочарование в счастье-славе, счастье-борьбе, счастье-любви выливается в лапидарную формулу, и не счастья ищет поэт, но замены счастья. Этой заменой и оказывается уныние. Уныние вместо счастья — это кажется парадоксальным. Но сопоставим ход мысли Вяземского с тем, как продвигалась пушкинская мысль, и мы получим возможность в чем-то прояснить сущность и той, и другой. Стихи Пушкина «К ****» («Не спрашивай, зачем унылой думой...») в автографе называются «Уныние». Мысль о скоротечности юности, о счастье, возможном «на краткий миг», роднит эти стихи с элегией Вяземского.

Пушкин	Вяземский
Кто счастье знал, уж не узнает	Я счастье знал, но молнией
счастья.	мгновенной
На краткий миг блаженство нам	Оно означило туманный
дано:	небосклон
От юности, от нег и сладострастья	Его лишь взвидел взор,
Останется уныние одно. (II, 42)	сияньем ослепленный
	Я не жалел о нем: не к
	счастью я рожден.

Но если для юного Пушкина разочарование связано с тем, что недолговечны юность, нега и сладострастье, что преходяща любовь, для 27-летнего Вяземского отвергнутым кумиром счастья был прежде всего «кумир горящих душ» — слава поэта и гражданина, а потом и «чаша радости» любви. Быть может потому, что в «Унынии» Вяземского так последовательно распространена и углублена мысль, лишь намеченная у Пушкина (вместо счастья «на краткий миг» «останется уныние одно»), Пушкин и отказался при напечатании своего «Уныния» в 1826 г. от первоначального его названия. В 1822 г. в стихотворении «В. Ф. Раевскому» Пушкин, вновь обращаясь к теме счастья, не только использует опыт Вяземского, но и перерабатывает его по-своему, создает одно из лучших своих стихотворений-исповедей. Повторяющиеся полустигии этого послания:

Я знал досуг...
Я дружбу знал...
Я знал любовь...
Я знал и труд...

звучат отголоском полустиишия «Уныния»: «Я счастье знал ...». Разочарование в счастье, каким оно виделось поэту прежде, вело к унынию. Это был путь познания подлинных ценностей.

Уныние! все с тобой крепило мой союз;
Неверность лстивых благ была мне поученьем...

Вяземский тоже, «разоблачив пленительный кумир», увидел «призрак безобразный». Это была не дань литературной моде, но выношенные, выстраданные мысли, итог раздумий и сомнений предшествующих месяцев. Незадолго до создания «Уныния» Вяземский написал Тургеневу слова, много объясняющие в его элегии, служащие незаменимым комментарием к ней: «Душа моя возмужала в противоречиях судьбы. Я никогда не знал площадного счастья и, кажется, теперь не побую его искушений, если когда-нибудь и вздумалось бы ему пощекотать меня» (ОА, т. I, с. 257).

В 9-й пограничной строфе «Уныния» еще раз сконцентрирован синоним счастья — «безобразного призрака»: «неверность лъстивых благ». В нем и отблеск «молнии мгновенной», на миг ослепивший «сияньем», и отзвук переменчивой славы — «болтливые молвы», и боль любви — «сосуд отравы». Отвернувшись от «лъстивых благ», лирический герой Вяземского порывает с прошлым. Происходит «отчуждение центрального персонажа».